

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ В ХЕЛЬСИНКИ

Если Первый международный конгресс финно-угроведов в Будапеште в 1960 году был большим событием, то состоявшийся 23—26 августа с. г. в Хельсинки Второй конгресс был еще представительнее как по числу делегатов, так и по количеству и разнообразию представленных докладов. На конгрессе присутствовал 471 делегат из 19 стран (в том числе из Ирландии, Италии, Голландии, Кореи, Японии и др.). Из Советского Союза в работе конгресса принимало участие более 70 человек (вместо 25 в Будапеште). Значительно возросло и количество докладов: их было в два раза больше, чем в Будапеште, а именно — 150 (около десяти зачитано не было), в том числе 29 из Советского Союза.

Четыре доклада были прочитаны на пленарных заседаниях: П. Виртаранта (Хельсинки) «Сбор финского и финно-угорского языкового материала в Финляндии после Второй мировой войны», Д. Ортутаи (Будапешт) «О возможностях и задачах исследователей фольклора», Б. Коллиндер (Упсала) «Родственные связи уральских языков», Х. Моора (Таллин) «О древнейшей истории земледелия у эстонцев и соседних народов». Остальные доклады были заслушаны в 11 секциях (общего финно-угорского языкознания, прибалтийско-финских языков, угорских языков, самодийских языков, антропологии, археологии, этнографии, народных обычаев, фольклора и народных верований, народной музыки, литературы). Более половины всех докладов (87) было прочитано в четырех языковедческих секциях. Всеобщего одобрения заслужил тот факт, что время работы различных секций совпадало только частично. Программа была напряженной и времени для обмена мнениями и дискуссий оставалось мало.

По традиции основным языком конгресса был немецкий, значительно меньше выступлений было на русском, английском, финском и других языках.

В области лингвистики конгресс продемонстрировал преобладающую роль срав-

нительно-исторического исследования в финно-угорском языкознании. Наиболее интересным в этом плане был обширный доклад Б. Коллиндера, который, прежде всего, пытался опровергнуть возражения против теории родственных связей уральских (финно-угорских) и индоевропейских языков, основывающиеся на том, что у языков этих групп слишком мало общих слов, а установленные звуковые соответствия недостаточно закономерны. Для подтверждения своей теории Б. Коллиндер предложил сопоставить два индоевропейских языка — современный шведский и новогреческий, предположив, что не существует ни старых письменных памятников, ни других индоевропейских языков. Он констатировал, что при таком сопоставлении мы нашли бы в этих двух языках только 60—70 общих корней и весьма случайные звуковые соответствия. В то же время существует почти столько же общих индоевропейских и уральских слов (50). При этом результаты реконструкции финно-угорского вокализма, полученные в последнее время, дают новое подтверждение гипотезы родственности, так как вокальные звуки в существующих общих словах вполне закономерно соответствуют вокальным звукам древних индоевропейских слов. В морфологии общими являются многие словообразовательные суффиксы, *m-овый аккузатив, *t-овый аблатив, коаффикс притяжательного склонения **-n*, окончания 1-го лица ед. числа и 1-го и 2-го лица мн. числа, *ś*-овое прошедшее время (ср. с индоевропейским аористом на **-s*) и т. д. Вообще, по Б. Коллиндеру, гипотеза родства индоевропейских и уральских языков выглядит убедительнее, чем противостоящая ей. Меньше возражений вызывает родство уральских и алтайских языков; Б. Коллиндер пытается найти этому тематическое подтверждение. Родство уральских языков с одульским (юкагирским) вряд ли может вызвать сомнение.

П. Хайду (Сегед) говорил о том, что на основе структурных критериев в прауральском языке должно было быть 2 500

корневых слов. Это заявление находится в соответствии с тем, что до настоящего времени удалось реконструировать примерно 1200 прауральских (или прафинно-угорских) корней. Если учесть возможности словообразования, в праязыке можно предположить по крайней мере 20 000—25 000 слов.

В. Штейниц (Берлин) развивал свою идущую в разрез с традиционной теорией консонантизма (вместо принятых первоначальных *pp, *tt, *kk, *p, *t, *k В. Штейниц исходит из *p, *t, *k, *w, *ð, *r и т. д.). Докладчик отметил, что отпадает аргумент возражения, связанный с индоиранским заимствованием, обозначающим 'сто', в финно-угорских языках, т. е. в исходном индоиранском варианте совсем не обязательно должно было произноситься *t* (как в цитируемых обычно формах санскрита *śata* или авеста *sata*), а могло быть и *d*, как в некоторых диалектах иранских языков. По Штейницу, в пользу его теории говорит и выпадение смычных в балтийских заимствованиях прибалтийско-финских языков. Доклад его был одним из немногих, вызвавших дискуссию. Между прочим, теория В. Штейница не дает исчерпывающего объяснения таким явлениям, как: явное отсутствие в финно-угорском праязыке сочетаний звонких *ðr, *rð и др. (вместо них глухие *tk, *kt и др.); появление двойных глухих смычных вместо ожидаемых двойных звонких согласных на стыке морфем (эзя-морд. *kef-te* 'руки', а не *keð-de*; мар. *pit-ta* 'вы завязали', а не *pið-da* и т. д.); наличие двойного соответствия у фонемы *w (предложенной В. Штейницем) в прибалтийско-финских и саамском языках. Не объясняет эта теория и того, как в действительности могут быть фонетически реализованы *ð и *ð², чтобы различие между ними сохранилось (возможны ли произношения [ð] и [ð'] при наличии еще третьей фонемы *ð'*?) и т. д.

Я. Гуя (Будапешт) говорил о прибалтийско-финно-пермском вокализме.

В. Лыткин в своем докладе подчеркнул, что при исследовании истории гласных первого слога финно-угорских языков важно учитывать зависимость их от качества гласных следующего слога (например, ф.-у. *elä. 'жить' > коми-язьв.

ol, ср. ф.-у. *pēle. 'бояться' > коми-язьв. *pul*-). Разница между первоначальными *a, *ä и первоначальным *e во втором слоге частично отражается еще и в современном коми-зырянском языке: существительным с первоначальной основой на *e* соответствуют здесь существительные с основой на *j*.

Близкой теме был посвящен доклад Г. Зауэра (Берлин), в котором он указывал на возможность сохранения хантыйским языком в отдельных случаях первоначальной основы на *a*, *ä* существительных.

Б. Серебренников (Москва) утверждал, что на раннем этапе развития прауральского языка будущее время с показателем *-k* отличали от настоящего без показателя. Наиболее древним показателем прошедшего времени был **-s*, выражавший законченное действие.

К. Майтинская сделала обзор происхождения вторичных местоимений в финно-угорских языках.

К. Конт (Таллин) описал общие черты в употреблении кольско-саамского партитива и мордовского аблатива.

Ю. Мягисте (Лунд) представил интересный обзор заимствованных словообразовательных суффиксов в финно-угорских языках (марийские и удмуртские суффиксы из тюркских языков, эстонский *-nna* из немецкого языка, ливский *-iv* и другие из латышского языка и, наконец, прибалтийско-финские русского происхождения: *-niekka* ~ *-nik* ~ *-nikka* ~ *-nik* ~ *-nikkå*, саамский и мордовский *-ška*, вепеско-людиковский *-ni* в таких формах, как *hürniida* 'вспрыгнуть', ср. русск. *прыгнуть*, вепеский *-ško*, например, *päivüşko* 'солнце', ср. русск. *солнышко* и т. д.).

А. Каск (Тарту) в своем интересном выступлении показал, что инессив с сильной ступенью чередования в эстонском языке образовался поздно и по аналогии. Э. Вяари (Тарту) анализировал новые ливские заимствования. Ю. Елисеев (Москва) охарактеризовал древние материалы на финском и карельском языках, записанные на берестяных грамотах.

Успехи, достигнутые за последние годы в области изучения истории финно-угорских языков, свидетельствуют об упор-

ном, систематическом труде, но не носят качественно переломного характера. Ощущается недостаток специалистов, которые совершенно свободно ориентировались бы в проблематике более чем одной группы финно-угорских языков. С другой стороны, для достижения решающего поворота в диахроническом, сравнительно-историческом исследовании финно-угорских языков необходимо большее количество синхронических обзоров по фонетике, фонологии, морфологии и лексической структуре современных диалектов, а также просто больше материалов, особенно звуковых записей, по отдельным языкам и диалектам. Симптоматичным в этом отношении был доклад П. Виртаранта на пленарном заседании.

В области синхронного языкознания направления структуральной лингвистики в Хельсинки были представлены несколько сильнее, чем в Будапеште. Однако и здесь представители этих направлений ограничились несколькими докладами по фонологии. Кроме того, Х. Рятсеп (Тарту) рассказал о работах в области структуральной и математической лингвистики, ведущихся в Тартуском государственном университете. Вне области структуральной лингвистики обсуждались различные более узкие вопросы строения отдельных языков.

Большой интерес и дискуссию вызвало одно из заседаний секции прибалтийско-финских языков, почти полностью посвященное долготе звуков в эстонском языке. Л. Пости (Хельсинки) продолжал развивать свою высказанную в общих чертах еще в 1950 году теорию, согласно которой при различении так наз. II и III ступеней мы имеем дело не со ступенями звуков или слогов, а с различными структурами слов: 1) структура, при которой в первом слоге сверхдлинный аллокрон, а во втором — короткий гласный; 2) структура, при которой в первом слоге длинный аллокрон, а во втором — полудлинный гласный. Интересными параллелями эстонской квантитативной системе могут служить интонации шведского языка. И. Лехисте (Колумбус) представила результаты спектрографирования длительности гласных, зарегистрированной в 500 эстонских предложениях.

Она констатировала, что хотя гласные первого слога должны бы быть различной ступени, с точки зрения своей абсолютной долготы имеется большое количество совпадений длительности. Полудолгие гласные во втором слоге выступают только в словах первой ступени, в то время как в словах второй ступени эти гласные — краткие (как и в словах III ступени). При различении ступеней решающее значение имеет соотношение длительности ударного и послеударного слогов. Это соотношение представляет собой в случае каждой ступени различную постоянную величину, которая не изменяется даже тогда, когда рассматриваемое слово в предложении находится в безударном положении. В отличие от этих двух релятивистских теорий В. Таули (Упсала) защищал свою выдвинутую в 1954 году точку зрения (ссылаясь на развитие ее Р. Т. Хармсом, Т.-Р. Вийтсо и В. Халлапом) о том, что оппозиция так наз. II и III ступеней свойственна в основном слогу (в то время как оппозиция I и II ступеней является оппозицией долготы звуков). Слоги, по традиции названные третьеступенными или, по Таули, слог с тяжелым ударением, характеризовались бы, кроме всего прочего, с точки зрения кульминации интенсивности и высоты основного тона звука в начале слога, а также по протяженности долготы. При фонологической транскрипции эти слог следовало бы отличать знаком ` (перед слогом): /*saama*/ 'получить', /*põõsas'tikk*/ 'кустарник (партизаны)' и т. д. В каждом конкретном фонологическом положении В. Таули стремится избавиться от избыточности фонологической транскрипции.

В. Халлап сделал обзор проблем, связанных с описанием фонологической системы мокша-мордовского языка. Т. Сибеок (Блумингтон) предложил проект составления фонологического атласа финно-угорских языков. А. Раун (Блумингтон) анализировал взаимоотношения словообразования и словоизменения в финно-угорских языках. К. Хассельбринк (Бьяртро) охарактеризовал морфологические функции чередований гласных в южно-саамском диалекте. Г. Карлсон (Турку) статистически рассмотрел случаи согласования и отсут-

ствия согласования подлежащего и сказуемого в отдельных финских диалектах. Н. Терещенко (Ленинград) обратила внимание на то, что в синтаксической структуре нганасанского языка много существенных отличий от других самодийских языков. А. Феоктистов (Москва) говорил о первых мордовских письменных памятниках и охарактеризовал перевод катехизиса 1788 года на эрзя-мордовский язык. П. Аристэ (Тарту) сделал подробный обзор структуры водских топонимов. П. Кокла (Таллин) проанализировал различные возможности выражения множественности в притяжательном склонении марийского языка. Доклад А. Лаанеста (Таллин) содержал интересный материал о своеобразных чертах фонетики хэваского диалекта ижорского языка. В. Палль (Таллин) коснулся распространенности топонимов на *-ste* и *-vere* в Эстонии. Экспериментальной фонетике было посвящено еще два доклада: К. Вийк (Турку) и И. Лехисте «Долгота гласных в двухсложных словах финского языка» и И. Футаки (Гёттинген-Гейсмар) «О фонетической структуре слов с эмфатическим ударением в венгерском языке.»

Многие доклады на конгрессе носили информационный характер, например, Э. Лёринци (Будапешт) «Новый диалектологический словарь венгерского языка», М. Муст (Таллин) «О составлении словаря эстонских диалектов» и др.

В других секциях. В секции этнографии было зачитано всего 14 докладов; сюда же можно отнести выступление Х. Моора (Таллин) на пленарном заседании, в котором были использованы как археологические и исторические, так и этнографические материалы. Его доклад «О древней истории земледелия у эстонцев и соседних народов» признан самым содержательным на конгрессе. Докладчик показал, что прибалтийско-финским племенам земледелие было известно уже во II тыс. до н. э., что обусловлено контактами с носителями культуры ладьевидных топоров, которых считают предшественниками балтийских племен. Развитие земледелия шло медленно, понадобилось около тысячи лет, чтобы оно превратилось в постоян-

ный источник существования. В первой половине I тыс. н. э. земледелие развивалось интенсивно, о чем свидетельствует прежде всего количественный рост населения. В докладе подробно рассматривается развитие сельскохозяйственной техники. В XI—XIII вв. преобладающим в Прибалтике становится древнее земледелие, паровая система с годовым отдыхом одного поля. Тогда же появляется новая культура — рожь (XI в.). Спорно, однако, использовали ли в XIII в. уже трехполье или еще двухполье. Во всяком случае, трехполье не внесено немцами.

Переход к паровой системе в начале II тыс. н. э. принес много изменений. Дальнейшее развитие вплоть до XIX в. представляло собой лишь дополнение отдельных деталей. Только в XIX в. появились новые культуры и новая техника, что означало начало нового этапа в развитии земледелия.

Рефераты, представленные на заседаниях секции, были трех видов: 1) обзоры о текущей работе или методических приемах, 2) рассмотрение культурных отношений отдельных народов, 3) разбор небольших отдельных вопросов монографического характера.

К первым относится сообщение Т. Вуорела (Хельсинки) о составлении этнографического атласа в Финляндии, работа над которым была прервана во время войны и возобновлена в 1962 г. Составление атласа основано на тех же принципах, по которым созданы соответствующие атласы Скандинавии и Центральной Европы. Атлас будет содержать также фольклорный материал. Над его составлением работают пять сотрудников под руководством Т. Вуорела. Уже подготовлено около 200 карт и предполагается закончить работу через три года.

Интересным было выступление Л. Кеси-Ковача (Будапешт) о важности этнографических фильмов для исследовательской работы. Докладчик подчеркнул, что фильм для этнографа — это то же, что лента звукозаписи для лингвиста. Особенно важно снимать на пленку трудовые процессы и исполнение обрядов, а также поступки, вызванные суеверием. Необходимо также, по мнению докладчика, добиваться создания

центрального архива фильмов в Хельсинки или Будапеште.

Пять рефератов было посвящено культурным связям. Из них наиболее общий характер носило выступление Б. Гунда (Дебрецен), которое касалось роли финно-угорских народов в создании евразийской культуры. А. Моора (Таллин) говорила о народных блюдах в Восточной Эстонии, где сплетаются прибалтийско-финские, русские, белорусские и балтийские элементы. М. Гавацци (Загреб) указал на сходство деталей народной одежды (обшитый передник) у балканских и волжских финно-угорских (мордовских) народов. Р. Тароева (Петрозаводск) посвятила свой доклад «Русско-карельские культурные связи (по данным материальной культуры)» общим чертам в народной одежде, пище и орудиях производства у карелов и русских Севера. Влияние средневековой культуры на финское народное искусство рассматривал Н. Валонен (Хельсинки).

Большинство же выступлений касалось отдельных вопросов. Дополнением к докладу Х. Моора послужили обзор А. Феоктистовой (Москва) «Народная терминология эстонских пахотных орудий» и реферат К. Вилкуна (Хельсинки) о типах финских плугов. А. Петтерсон (Тарту) говорил о видах печей в эстонских ригах XIX столетия. Отдельным вопросам были посвящены также выступления Б. Коромпаи (Будапешт), Г. де Рохан-Чермака (Париж), Л. Варги (Будапешт), Я. Кодолани (Будапешт) и Т.-И. Кауконена (Хельсинки).

На трех заседаниях секции фольклора было заслушано 12 докладов: один из Чехословакии, два из США, два из Швеции, три из Венгрии и четыре из Советской Эстонии. Одно из пленарных заседаний также было посвящено фольклористике. Д. Ортугаи (Будапешт), один из выдающихся фольклористов Европы, говорил «О возможностях и задачах изучения финно-угорского фольклора»; докладчик подвел итог достижениям в этой области и указал на ближайшие задачи, стоящие перед исследователями. По его мнению, наряду с теорией моногенеза, выдвинутой представителями финской школы, необходимо

принимать во внимание полигенетическое происхождение и типологическое соответствие отдельных сюжетов, видов и жанров фольклора у разных народов. Исходя из этого, Д. Ортугаи считал правильным сравнивать не отдельные мотивы или сюжеты, а отдельные виды или явления в целом (например, народные мелодии, танцы, лирические народные песни, сказки). Сравнение предполагает возможно более точное выяснение исторических слоев определенного вида фольклора при помощи всех доступных методов. Д. Ортугаи подчеркнул также необходимость тесного сотрудничества представителей различных отраслей науки (археологов, этнографов, лингвистов, фольклористов). Теоретический интерес представляет следующее предлагаемое Д. Ортугаи разделение фольклора: 1) повседневный фольклор (нравы и обычаи в широком смысле этого слова), 2) жанры так наз. художественного фольклора (устное поэтическое творчество, орнаментика, народный танец) и 3) проявления идеологии в фольклоре (система народных верований и отдельные представления, сказания, поговорки). В заключение Д. Ортугаи повторил сделанное им в Будапеште предложение о создании специального института для сравнительного изучения фольклора финно-угорских народов.

Из докладов обзорного характера можно назвать выступление П. Галди (Будапешт) об анджамбмане в народной поэзии угро-финнов; доклад М. Косовой (Братислава), в котором автор познакомила с проблематикой классификации и истории словацких пословиц, и В. Войгта (Будапешт) о прибалтийско-финском фольклоре как объекте европейской фольклористики, причем большое внимание докладчик уделил международным взаимовлияниям в фольклоре. Ю. Пеэгель (Тарту) в докладе «Об изучении языка эстонских народных песен» указал на язык аллитерационного стиха как существенный источник при исследовании истории эстонского языка и формирования его диалектов, а также при определении места и времени происхождения песни. В реферате И. Катона (Будапешт) «О финно-угорских наслоениях в венгерском фольклоре» был отмечен ряд методологических требова-

ний сравнительного исследования (см. также I. Katona, *Historische Schichten der ungarischen Volksdichtung*. — FF (Communications, no. 194, Helsinki 1964). В этом отношении доклад И. Катона как бы дополнял выступление Д. Ортутай. И. Катона подчеркнул, что отголоски фольклора племен рыбаков, охотников и собирателей можно встретить в виде реликтов в представлениях о возникновении мира, о происхождении человека и животных, а также в религиозных образах, в детском фольклоре, иногда только в идиоматических выражениях.

Большой интерес представляли доклады, посвященные отдельным вопросам. Э. Лаугасте (Тарту) говорил о виде и частоте аллитерации и ассонанса в эстонской народной песне. Его доклад представлял собой обобщение статистических исследований, в которых анализировалось 10 000 стихов из пяти приходов. Автор указал на различное употребление аллитерации и ассонанса в песнях различных видов и районов. Для более общих выводов количество анализируемого материала еще недостаточно. И. Паульсон (Стокгольм) говорил о духах-покровителях дома и двора по эстонским народным верованиям, показал зависимость религиозных представлений от социально-экологических условий. В обычаях и верованиях земледельца и скотовода наряду с куклами земли и солнца важное место занимают покровители дома и двора, ведь именно на хуторе проходила повседневная жизнь человека. Докладчик указал на различные наслоения в структурах соответствующих представлений о покровителях. Возникновение культа дома и двора он связал с появлением земледелия и скотоводства.

В реферате Ю. Тедре (Таллин) «Об одном из путей возникновения новых эстонских народных песен» речь шла о рукописном песенном творчестве XIX в. Многие из этих песен, распространяемых в рукописи, стали очень популярны в народе. Ф. Ойнас (Блумингтон) говорил о взаимовлиянии славянских и прибалтийско-финских народных песен. Докладчик привел русские, белорусские и украинские соответствия пяти эстонско-финско-ижорским народным песням и сослался на культурные связи русских и Киевского

государства с прибалтийско-финскими народами. А. Аннист (Тарту) в докладе «Генезис и фольклористическая достоверность эстонских народных сказок Ф. Р. Крейцвальда» представил в основном выводы из своей обширной работы о сказках. Е. Фазекаш* (Упсала) говорил о некоторых гнездах финно-угорских слов из области истории религии. В прениях (И. Паульсон) было отмечено, что этимологизация при исследовании верований — возможный и нужный, но в то же время опасный и отнюдь не единственный путь. Во всяком случае при этимологизации необходимо учитывать экономические, экологические и социальные отношения у соответствующего народа. Р. Аустерлиц (Нью-Йорк) затронул вопрос об отношениях текста и мелодии в мансийских народных песнях. Основой для его анализа послужили пять песен из сборника Б. Кальмана «*Chrestomathia Vogulica*» (Budapest 1963) и их звуковые записи. Анализ был формальным, автор опирался, с одной стороны, на строфы и части их, а с другой — на сопоставление ритмично-мелодичных фраз. Обращало на себя внимание методическое требование полностью учитывать текст песни, включая каждое повторение мотива, дополняющие слоги, восклицания и т. д. Для существенных выводов проанализированных песен недостаточно. При определении структуры строф докладчик опирался на свое исследование «*Ob-Ugric Metrics. The Metrical Structure of Ostyak and Vogul Folk-Poetry*» (= FF Communications, no. 174, Helsinki 1958).

В секции народной музыки преобладали венгры, и это полностью отражает соотношение сил: в Венгрии имеется специальный институт народной музыки с 28 научными сотрудниками, в Финляндии же народной музыкой занимаются лишь двое ученых (А. О. Вяйсянен и Э. Ала-Кёни). Работа секции открылась докладом основоположника исследования эстонско-финской народной музыки А. О. Вяйсянена (Хельсинки) о пентатонике в финно-угорских народных песнях. Докладчик утверждал, что пентатонические мелодии волжско-финских песен скорее свидетельствуют о контактах с тюркскими пле-

менами, чем о генетической их взаимосвязи. Л. Викар (Будапешт) познакомил с марийскими народными напевами. Его обзор основывался на материалах экспедиции 1964 г. Последующие доклады носили в основном теоретико-методический характер. Л. Вардяш (Будапешт) говорил о методике финно-угорского сравнительного музыковедения. Он отметил, что сравнивать, прежде всего, надо стили, затем мелодические типы и только после того, как будут выявлены совпадения, можно сравнивать отдельные мелодии. Исходить следует из совпадения структуры мелодий. Д. Сомьяш-Шифферт (Будапешт) пытался различить в мелодиях «Калевалы» первоначальное финно-угорское происхождение.

Самой малочисленной была секция народных обычаев и нравов, где было зачитано лишь два доклада. Э. А. Виртанен (Хельсинки) говорил о ранних формах аренды у финно-угорских народов. Речь шла о праве на часть добычи охотника или рыбака, полученной на землях другого племени, деревни или общины. А. Лутс (Тарту) в докладе «Новые семейные традиции в юго-восточной Эстонии» познакомил с современными народными обычаями.

Наряду с традиционными разделами финно-угристики на конгрессе были представлены литературоведение, антропология и археология.

В секции литературы рассматривались вопросы взаимоотношения финской и венгерской литературы. Б. Гомбар (Будапешт) коснулся насущных проблем практического перевода. В. Тервонен (Хельсинки) говорил о венгерском влиянии на финский театр (особенно в период его создания). П. Домокош (Будапешт) рассказал о распространении финской литературы в Венгрии, выделив три периода: 1) до первой мировой войны, когда перевели «Калевалу» и в основном произведения народного творчества; наиболее известным в Венгрии автором тогда был Ю. Ахо; 2) пе-

риод между двумя войнами, когда популярным становится Ф. Е. Силлания; 3) после второй мировой войны; важнейшее достижение этого периода — составление Гезой Кепеш антологии финской поэзии. О. Каранко (Хельсинки) в свою очередь познакомил с переводом венгерской поэзии в Финляндии. Особенно высоко оценил он целенаправленную и плодотворную переводческую деятельность О. Маннинена. Из современников он отметил Тойво Люю, который перевел на финский язык «Человеческую трагедию» Имре Мадача, а также подготовил к опубликованию антологию венгерской поэзии. Т. Люю указал, что примером и предшественником «Маамме» Рунеберга было произведение Вёрешмарти «Szózat».

В секции археологии выступили Д. Ласло (Будапешт), К. Ф. Мейландер (Хельсинки), В. Лухо (Хельсинки) и Л. Яанитс (Таллин).

В секции антропологии выступали Г. Тот (Будапешт), П. Липтак (Сегед), Л. Каройи (Гёттинген), Х. Э. Бломквист (Хельсинки). С двумя докладами выступила К. Марк (Таллин). Вместе с Н. Чебоксаровым ею был подготовлен реферат «Проблема происхождения финно-угорских народов по данным антропологии» (единственный доклад обобщающего характера). Второй темой К. Марк была — «О возникновении расового типа прибалтийско-финских народов».

Организация конгресса заслуживает высокой оценки. Участникам был оказан теплый и сердечный прием. Весьма существенными — порой важнее прослушивания докладов — были беседы со старыми знакомыми и приобретение новых, споры и дискуссии с зарубежными коллегами, в ходе которых выяснялись насущные проблемы финно-угроведения, достижения и узкие места в работе.

В. ХАЛЛАП, Ю. ТЕДРЕ
(Таллин)